

На Марфу Васильевну Соболеву жалобы писали с завидным упорством. И в домоуправление, и в общественный пункт охраны порядка, и в отделение милиции, и в санэпидстанцию. Куда можно — туда и писали. И правильно делали! Мыслимое ли дело?! В однокомнатной хрущевке и одному человеку дышать нечем, а здесь — больше двух десятков кошек! А может, и трех. Говорят, когда эту сумасшедшую психиатрическая бригада силком из квартиры выволакивала, со счета сбились.

В общем, как только Марфу — в машину, соседи — к дверям. И давай кричать на участкового Куруськина, предусмотрительно перекрывшего вход в Марфины чертоги:

— Открывай дверь, начальник. Открывай! Мы это гнездо крушить будем. Сколько лет мучились — вонь эту терпели, здоровье теряли, нервы портили!

Татьяна Булатова

— Не могу, граждане! Права не имею. Вдруг — вернется, а тут все раскурочено. Кто отвечать будет? Я?!

— Ты власть — ты и отвечай! — Разгоряченные жильцы стеной пошли на участкового. — А если внутри кошки остались? От голода сдохнут — вонять начнут. Все равно милицию вызывать придется и дверь взламывать.

— И взломаем! — с готовностью пообещал лейтенант. — Санкция будет — любую дверь взломаем!

— Когда-а-а-а?

— Да откуда я знаю когда! — взвился Куруськин, но быстро успокоился и, прижав к груди кожаную папку с документами, пояснил: — Дохлая кошка — это вам не труп! Никакого преступления в ее смерти нету. Столько лет терпели, еще пару недель подождете, пока бумага из Карамзинки не придет: что так, мол, и так, оставлена ваша Марфа Васильевна на принудительное лечение до конца своих дней.

Слово «Карамзинка» на митингующих произвело отрезвляющее действие: психиатрическая больница имени Н. М. Карамзина — заведение серьезное, с ним не поспоришь. И только Нина Жданова — старшая по подъезду — грудью пошла на участкового, раздувая ноздри:

Стрекоза ты моя бестолковая

— Пока бумага из Карамзинки дойдет, как бы ты, Анатолий Сергеич, без погон не остался. Сейчас вот печать на дверь поставишь, а там — труп, потому что психованная наша здесь не только ночлежку для кошек устроила, а и всяких разных привечала, что под лавками в парках ночуют или в подвалах прячутся. Смотри, начальник!..

Немного подумав, лейтенант, не меняя местоположения — перед дверью, нерешительно переступил с ноги на ногу и нехотя предложил:

— Что ж, осматривать будем?

— Будем, Анатолий Сергеич, — блестя глазами, выдохнула Жданова и возглавила отряд столпившихся около проклятой двери соседок.

— Без понятых не положено, — участковый пытался следовать букве закона. — Понятых надо брать. Кто, граждане, пойдет в понятые?

Вместо ответа на вопрос поднялся лес рук.

— Столько понятых не бывает, — покачал головой Куруськин и, строго посмотрев на желающих, скомандовал: — Гражданка Жданова, гражданка Сидорова и вы (он обратился к управдому Гаврилову), Петр Вениаминович, пройдемте со мной...

— А мы? — заволновались ощущавшие свою причастность к происходящему соседи.

Татьяна Булатова

— Не положено, — отрезал участковый, распахнул дверь и шагнул через порог.

Так и есть — пушистыми брызгами врассыпную бросились кошки, схоронившиеся в квартире, пока из нее вытаскивали горячо любимую хозяйку.

«Правы, черт побери!» — вынужден был признать Куруськин, незаметно переглядываясь с печальным управдомом Гавриловым, судорожно прикладываящим к носу скомканный несвежий платок: вонь стояла страшная!

Первым замутило Петра Вениаминовича, но он мужественно сдерживался ввиду своего служебного положения. Другое дело — Сидорова. Взглянув на скорчившееся начальство, она легко ретировалась из квартиры, невзирая на возложенные на нее полномочия.

— Ну что там, Люда? — тут же окружили ее женщины: — Правда, что ль, труп?

Одуревшая от вони, Сидорова побоялась открыть рот и только отрицательно замотала головой. А потом и вовсе стремглав выбежала из подъезда на свежий воздух. И там, под высокими тополями, у нее возникло ощущение, схожее с тем, что девчонкой пережила на уроке начальной военной подготовки, когда бесшабашные одноклассники ради шутки пережали ей соединительную трубку противогаса и она чуть не потеряла сознание. «Вот уж точ-

Стрекоза ты моя бесполковая

но! — шумно втянув в себя воздух, изумилась Сидорова. — Живем и не замечаем, дышим себе и дышим, как будто так и надо...»

Пока она размышляла о прелестях нехитрого человеческого существования, из подъезда вывалился бледный Петр Вениаминович, но до целительных тополей не добрался — стравил сразу же на клумбу, забыв, что та являлась эстетическим достоянием двора образцового содержания.

— Эх тебя, Вениаминыч! — посочувствовала воскресшая на свежем воздухе Сидорова, а потом решительно заявила: — Как хочешь, а я туда больше ни ногой. Мне моя жизнь дорога, будь там хоть два трупа...

И только оправдом Гаврилов собрался сообщить, что никаких трупов в квартире не обнаружено, как его вырвало еще раз, и он мысленно поклялся запретить разведение домашних животных в квартирах вверенных ему граждан из двадцать четвертого дома на Западном бульваре, что недалеко от железнодорожного вокзала «Кушмынск-Центральный».

В итоге самыми выносливыми оказались участковый Куруськин и несгибаемая Нина Жданова, ради справедливости готовая на немислимые жертвы.

— Брысь! — прикрикнула она на разлегшихся на диване кошек и смело потянулась к

Татьяна Булатова

груде тряпья, которое, видимо, служило одеялом для депортированной из квартиры Соболевой.

— Не трогайте! — прошипел лейтенант, разглядевший под разномастными тряпками контуры человеческого тела. — Там кто-то есть.

— Где? — с ходу не поняла Нина Жданова и на всякий пожарный отошла от растерзанного кошками дивана в сторону.

— Там, — прошептал участковый, надел фуражку и аккуратно, двумя пальцами отогнул край тряпичной кучи. Так и есть — под ней мирно посапывал бородатый мужичонка в линиялом фиолетовом трико и затрапезной майке с надписью «Олимпиада-80».

Прокашлявшись, участковый приступил к процедуре выяснения личности:

— Гражданин!

Гражданин в ответ даже не пошевелился. Куруськин нагнулся, принялся, но, как ни странно, перегара не почувствовал. Видимо, по сравнению с устойчивым запахом кошачьих меток и экскрементов он был неуловим. Но он был! На что имелся ряд документальных свидетельств, подписанных полным составом приглашенных понятых: товарищами Гавриловым, Сидоровой и Ждановой.

— Гражданин! — повысил голос Куруськин, а преданная делу порядка Нина Жданова

Стрекоза ты моя бестолковая

ва повторила слова участкового, но в доступной ей форме:

— Мужик, ты чё? Спишь тут, а?

Мужичонка с трудом приоткрыл один глаз и с умилением протянул:

— Ма-ань...

— Какой это тебе «Мань»? — возмутилась старшая по подъезду. — Не видишь? Мильционер это! Видали, тарщ участковый, до чего люди нажираются? Бабу от мужика отличить не могут...

— Предъявите ваши документы, гражданин, — со всей строгостью потребовал лейтенант и протянул к бородачу руку.

— Ма-ань! — заорал тот в ответ и приподнялся на локте. — Где у нас документы?

— Нету Мани твоей, — известила мужичка Жданова. — В утиль свезли вместе с кошками.

— Нет, — покачал головой бородач и точно определился в своих симпатиях: — Начальник, ты это... бабу не слушай. Маня придет...

— Не придет твоя Маня, — участковый не выдержал и прикрикнул на мужика. — Увезли твою Маню... Нету... Все!

— Как увезли? — заволновался мужичок. — Куда?

— За кудыкину гору! — вмешалась Жданова и грозно предупредила: — Оттуда, мил человек, не вертаются.

Татьяна Булатова

Бородач приподнялся, спустил ноги с дивана и сел, натянув на плечи грязное тряпье.

— Ну чё, протрезвел? — усмехнулась Нина и покосилась на участкового. — Ты вообще, мужик, чей? Не Марфин ли сожитель?

Бородач отрицательно помотал головой и передвинулся к краю дивана.

— Гражданин! — Куруськин вернулся к своим прямым обязанностям. — Вы это... вставайте и пройдемте со мной для выяснения личности.

— Подожди-ка, Анатолий Сергеич, — процедила старшая по подъезду и, погренадерски вытянувшись вверх, рявкнула: — Так, мужик, слушай меня. Ты кто? Не помнишь? Щас вспомнишь! Щас тебя в бобик засадют и куда надо отвезут. Здесь не обшага — без паспорта жить! Шевелись давай, пьянь!

Бородач свесил ноги с дивана, попытался встать, но тут же завалился назад на грязную кучу.

— Шатает, — добродушно усмехнулся он и предпринял еще одну попытку занять вертикальное положение.

На какое-то мгновение ему это удалось, но стоять ровно на одном месте все равно не получалось: бородач раскачивался, как маятник. И когда об ноги страдальца потерялся выныр-

Стрекоза ты моя бестолковая

нувший неизвестно откуда кот, мужичонку вновь опрокинуло назад.

— Ой, никак что-то, — застеснялся он, обескураженно заморгал и переключился на кошака, выющегося возле ног. Увидев, что тот поднял хвост трубой и мелко-мелко им завибрировал, бородач разулыбался и похлопал себя по коленке. — Кузя, Кузя...

Кузя поднял треугольную башку, сощурил глаза и извлек из себя нечто похожее на мерзкий скрежет.

— А ну иди отсюда, дрянь такая! — замахнулась на кота Жданова, вызвав в мужике заметное сопротивление.

— А ну! Не моги! — грозно произнес он и почесал бороду. — Манька узнает, больше не пустит. Нельзя!

— Я и тебя, и твою Маньку, и кошек этих сраных в гробу видала! Вставай давай, выматывайся, чтоб духу твоего здесь не было! Ни твоего, ни тварей этих, пока отравой здесь все не засыпала.

От крика Ждановой мужичонка поморщился и как ни в чем не бывало поинтересовался:

— А Маня-то моя где?

Участковый с тоской посмотрел на Нину и буднично огласил итоги осмотра квартиры Марфы Васильевны Соболевой:

Татьяна Булатова

— Следов преступления не значится. Можно опечатавать. А этого — на улицу, пусть идет куда хочет. Толку от него никакого.

— А где мой паспорт? — неожиданно поинтересовался бородач и шмыгнул носом.

— А это тебе в милиции, мил-человек, скажут, — успокоила его Жданова и легко приподняла мужика за шиворот. — Иди давай... Паспорт!

Вытащив беспаспортного за дверь, старшая по подъезду проволокла его по лестнице и силком усадила на лавку около подъезда.

— Сиди давай, пока не протрезвеешь, — приказала Жданова и вернулась в Марфину квартиру, откуда несчастный Куруськин выгонял подзадержавшихся котов и кошек. — Все, что ли?

— Вроде все, — неуверенно ответил участковый и стащил с головы фуражку.

— А ты, Сергеич, и впрямь печати наклеишь? — вкрадчиво поинтересовалась Жданова, радея за дело — освободить подъезд от смердящей скверны.

— Положено, — уклончиво ответил Куруськин и рукой показал преданной Нине на дверь.

— Ты бы, лейтенант, людей уважил! — Она, похоже, не теряла надежды. — От того,

Стрекоза ты моя бестолковая

что мы здесь порядок по-соседски навели, большой беды бы не случилось. Чай, у всех дети, не щенки. Скрозь эту вонищу столько лет ходили! В подъезд войти было страшно. А ты: «Не положено!»

— Не положено, — повторил участковый и двинулся на Жданову строевым шагом.

— А подписать?! — напомнила ему старшая по подъезду и смиренно застыла возле раздолбанного косяка.

— Подпишем, — обнадежил ее Куруськин и буквально выдавил свою помощницу из квартиры.

Увидев, что участковый приготовился к опечатыванию двери в жилище Марфы Васильевны Соболевой, женщины, толпившиеся в подъезде, зароптали и двинулись на Куруськина, словно на врага.

— Вот, — ткнула его Жданова в бок. — Видал? Я ж говорила: народ уважить надо. Пожалеть надо народ-то. Чай, это человек, а не так себе — мусор. У нас ведь и дети, и старики, в общем, все этот смрад нюхали. А там, можа, и зараза, и не знай что еще! По-человечьи бы надо, лейтенант.

— Уважаемые женщины! — торжественно обратился участковый и строго сдвинул светлые брови, отчего стал похож на молодого актера, загримированного под старика. — Квар-

Татьяна Булатова

тира будет опечатана. Товарищ Гаврилов делает заявку в санэпидстанцию. Гигиенисты все обработают, очаг инфекции будет ликвидирован. А пока — расходитесь, женщины, по домам. Расходитесь по-хорошему. Без этих, как его, «инцидентов». Просто расходитесь по своим квартирам, к своим детям и престарелым родителям...

— Да-а-а?! Расходитесь, говоришь? А говно это кто убирать будет? Санэпидстанция твоя? Так она, кроме как тараканов морить, ничего больше и не умеет. Придут — прыснут и назад на станцию, а нам тут опять эту вонь нюхать?!

— Хватит! — бойко выкрикнула вернувшаяся с улицы Люда Смирнова и воинственно затрясла кудельками, покрывавшими ее несоизмеренно маленькую по сравнению с туловищем голову.

— Гражданка Смирнова! — официально произнес участковый, стараясь не смотреть на ее выдающуюся грудь. — Вы это... перестаньте подстрекательством заниматься. А то ведь тут и до административной ответственности недалеко. Прямо-таки бабий бунт какой-то устроили! Митинг! Говорю, не положено, значит, не положено.

— Ну... не положено так не положено, — неожиданно миролюбиво протянула Жданова и хитро подмигнула разволновавшимся со-

Стрекоза ты моя бесполковая

седкам. — Раз начальство говорит, значит, так надо.

Почувствовав крепкое и, как ему показалось, надежное плечо старшей по злополучному подъезду, молодой лейтенант воспрял духом и приступил к опечатыванию квартиры. За спиной у представителя власти только и остались что преданная делу охраны порядка Нина Жданова и вероотступница Люда Сидорова. Управдом Гаврилов так и не рискнул подняться к соболевским дверям и остался сидеть на лавочке у подъезда, периодически шумно вдыхая чистый воздух.

Завершив процедуру опечатывания, лейтенант Куруськин в окружении дородных Ждановой и Смирновой покинул подъезд и мгновенно зажмурился от бившего в глаза солнца. После катакомб зловонной Марфиной квартиры мир казался ослепительно-белым, и по белому проскальзывали какие-то радужные всполохи. «Прям северное сияние!» — подумал несчастный участковый и пришел в хорошее расположение духа. День близился к полудню, задача номер один была выполнена: дом № 24 по Западному бульвару очищен от мяукающей заразы во главе с придурковатой Марфой Васильевной Соболевой.

Впрочем, лично ему, Анатолию Сергеевичу Куруськину, сама Марфа не сделала ниче-

го дурного. Всегда тихая, сомнамбулически улыбающаяся беззубым ртом, всякий раз при встрече торопившаяся сделать какой-то немислимый «реверанс»... Шут его разберешь, откуда его взяла! Вроде говорили — из деревни сама-то. А по документам — из Охотничьей. Так это какая деревня? Железнодорожная станция: перрон, два двора. Значит, ни из какой Марфа не из деревни! Жданова вот — из деревни, не перепутаешь. Кулак как арбуз. Плечи — сажень. И лицо уж больно грубое, как у каменной бабы в степи. Когда под Донбассом служил, таких видел. А эта... В кости узка, глаза плоскими на пол-лица, и ходит все время словно танцует. Балерина, е-мое.

Перед глазами очумевшего от запаха молодых тополей участкового как-то совсем не вовремя поплыли зеленые всполохи. «Ба-а-а, — огорчился Толя Куруськин. — Чего это со мной? Не иначе как отравление. Нечего было этих баб слушать. Бац — печать на дверь, и дело готово. Иди себе в отделение, завтракай». Мысли о еде вызвали у лейтенанта приступ тошноты, и он присел на лавочку возле подъезда, на которой все еще восстанавливал свои силы управдом Гаврилов.

— Душно что-то, — не поворачивая головы, пожаловался Петр Вениаминович.